

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье анализируется деятельность правительства Российской империи по формированию военно-европейской и традиционной систем управления на территории Закаспийской области, учрежденной 6 (18) мая 1881 г.

Система управления туркменским обществом, получившая название военно-народной, состояла из двух подсистем (военно-европейской и традиционной), взаимоотношения которых можно охарактеризовать как политический симбиоз. Начальник Закаспийской области, назначаемый царем по представлению военного министра, был командующим войсками в области, а по отношению к гражданскому населению пользовался правами губернатора с почти неограниченной властью. При начальнике состояло гражданское отделение штаба, фактически ведавшее делами области, а позже — канцелярия, состоявшая из правителя канцелярии, трех начальников отделений и шести письмоводителей, бухгалтера, экзекутора, архивариуса и двух переводчиков. Управление уездами (округами) и приставствами с входящими в их состав городами и поселениями сосредоточивалось в лице уездных начальников и приставов, назначаемых также из военных офицерских чинов.

В ближайшее окружение русской администрации вошли (традиционная подсистема): аульные старшины (главы родов), бии и казии (члены народного суда), эмины (сборщики налогов), мирабы (лица, ведающие оросительной системой и порядком пользования водой). Должности ханов утверждались царской администрацией и долгое время сохранялись в Мерве, Иолотане, Пенде, Серахсе. Хань занимали промежуточную административную ступень между уездным начальником и аульным старшиной и приравнивались к волостным начальникам (управителям). Другими словами, наряду с аульными общинами, сохранялось деление туркменского общества на родоплеменные группы, руководителями которых были ханы.

Меры имперского правительства по созданию военно-европейской и традиционной систем управления в Закаспийской области, несмотря на социальные, экономические и природно-географические и иные трудности, имели большое значение в установлении административного порядка, конкретизации прав и обязанностей местного населения, скорейшей адаптации его к задачам государственного строительства. Все это способствовало ликвидации прежних межплеменных, межродовых распрей и перегоронок, значительному ограничению власти и безнаказанного произвола родоплеменных ханов и прочих представителей национальной элиты, экономики финансовых и кадровых ресурсов империи.

© Аминов И. И., 2017

* Аминов Илья Исакович, кандидат юридических наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

aminovii@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ключевые слова: Военное министерство, Азиатская часть, военно-народное управление, закаспийская администрация, начальник Закаспийской области, уездное начальство, приставы, местная администрация, волостные управители, аульные старшины, бии, казии, эмины, мирабы.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.139-152

После объединения «территории туркмен-текинского рода и земель Закаспийского военного отдела» 6 (18) мая 1881 г. Высочайшим указом Александра III была учреждена Закаспийская область в качестве административной единицы Российской империи¹. Область эта располагалась между восточными берегами Каспийского моря и западными окраинами Бухарского эмирата и Хивинского ханства, в 1868 и 1873 гг. попавшими в вассальную зависимость к Российской империи и получившие статус ее протекторатов. На севере эта административная единица доходила до Уральской области, а на юге граничила с Персией и Афганистаном.

По мере дальнейшего продвижения русских войск от западных к южным границам земель, населенных преимущественно туркменскими племенами, преобразовывались в соответствии с российскими законами все сферы жизнедеятельности местного населения. Постепенно, в течение первых десятилетий, складывались и органы управления Закаспийской области, ответственные за политику Российской империи в данном регионе и обеспечивающие здесь поддержание спокойствия, порядка, максимальное экономическое освоение.

Ведущую роль в этой системе играли Военное министерство, Министерство иностранных дел, а также региональные власти Оренбурга, Кавказа и Туркестана (см. рисунок). В ней, кроме того, функционировали отделы иных центральных министерств и ведомств: юстиции, финансов, государственного контроля, просвещения и т.д., имевшие свою административную «вертикаль». Ссылаясь на надлежащие нормы российского законодательства, они нередко пытались игнорировать указания военной ад-

министрации. Однако с введением 14 августа 1881 г. правительством на территории Туркестана, а впоследствии и на территориях его отдельных областей² положения об «усиленной» или «чрезвычайной» охране³, эти отделы были обязаны следовать распоряжениям военных властей, т.е. подчиняться генерал-губернатору, поскольку права министра внутренних дел на территории края принадлежали ему⁴.

Органы управления Закаспийскими владениями Российской империи

В структуре Военного министерства разработкой вопросов военно-политических отношений со странами Среднего Востока занималась Азиатская часть Главного управления Генерального (Главного) штаба (ГУГШ)⁵, воз-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1 (1 марта — 31 декабря 1881 г.). № 142. С. 66.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. № 27525.

³ ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1. Отд. 1. № 350.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3814. С. 321.

⁵ В 1903 г. Азиатская часть преобразуется в Азиатский отдел, а в 1910 г. переименовывается опять в Азиатскую часть, которая просуществует до полной ликвидации в 1918 г. См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1.

главляемая генерал-лейтенантом, что само по себе уже говорило о ее значимости в общей штабной иерархии⁶.

По положению о Военном министерстве 1867 г. к ведению Азиатской части относились вопросы военно-административного и военно-народного управления; анализ известий из военных журналов для обнародования; снаряжение военно-ученых экспедиций; устройство укреплений и путей сообщения.

По положению об Азиатской части 1886 г. к прежним функциям добавилось устройство государственной границы азиатских владений Империи, а также сбор сведений о положении в соседних государствах.

Предложения офицеров Азиатской части рассматривались Военным министром и передавались при необходимости на рассмотрение Особого комитета, который был создан еще в период правления Николая I (1825—1855) для обсуждения азиатской политики государства. Решения Особого комитета утверждались императором. Так, выработанное Положение о Военно-народном управлении было Высочайше утверждено 18 июля 1860 г.⁷ В его в основу были положены принципы управления Алжиром, внедренные в 1848 г. Францией, т.е. подчинения всего аппарата управления военному министерству. В условиях же российской действительности эти принципы были творчески переработаны и сформулированы благодаря тщательным полевым исследованиям сильных и слабых колониальных правлений. Так, согласно позиции В. С. Мирзеханова, М. В. Ковалева, Французская и Британская империи в своей управленческой деятельности иначе воспринимали роль и статус местного населения. Прозелитизм и сегрегация, игнорирование местных элит привели к зарождению и упрочиванию во владениях этих классических метрополий питательной почвы для идеологии национализма и деколонизации⁸.

Конечно, наиболее ответственные должности всех степеней и в русской колониальной

администрации занимали генералы и офицеры. Однако вторая часть словосочетания «военно-народное управление» была аналогична по значению современному термину «традиционное»⁹. Это означало, что на низовые звенья царской административной структуры (волостные управители, аульные старшины, аксакалы) назначались наиболее благонадежные и знатные представители местного населения.

Такой военно-административный порядок сохранялся везде, где сосредоточивались важнейшие стратегические интересы империи. Так, после того, как Россия окончательно закрепила в Средней Азии (Туркестане), в Оренбургском крае и так называемых киргизских степях военно-административный режим был отменен, поскольку эти территории отделились от государственной границы, т.е. стали «тыловыми».

Модель управления, при которой гражданская и военная власти были неделимы, оставалась в Средней Азии вплоть до свержения самодержавия в 1917 г. Однако, несмотря на всю незыблемость этой модели, она отличалась достаточной гибкостью, имела потенциал к обновлению и эволюции. В пользу этого свидетельствует тот факт, что Закаспийская область, несмотря на вхождение в конце XIX столетия в состав Туркестанского края и, соответственно, Туркестанского военного округа, тем не менее управлялась на основе отдельного правительственного Положения¹⁰.

В ведении *Азиатского* (со 2 февраля 1897 г. — *Первого*) *департамент* — единственной структуры, созданной в российском Министерстве иностранных дел по географическому принципу, находились: дела политические, касающиеся Востока; переписка с восточными правительствами и с русскими дипломатическими и консульскими агентами на Востоке, дела русских подданных, находящихся на Востоке, и подданных восточных стран, пребывающих в России; переводы по

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1610. Л. 3, 9, 2333.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1862. Т. 35 (1860). Ч. 1. № 36026. С. 916 — 918.

⁸ *Мирзеханов В. С., Ковалев М. В.* Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель. XXI век. 2016. № 4. С. 417.

⁹ *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Серия «Россия забытая и неизвестная». М., 2010. С. 294.

¹⁰ *Волков И. В.* Военно-стратегическое управление в царской России: региональный аспект (1865—1917 гг.) // Власть. 2014. № 4. С. 163.

сношениям присутственных мест и правительственных лиц, а также по частным просьбам, документов и актов, подготовленных на восточных языках. В ведении этого департамента состояло также Учебное отделение восточных языков, ответственное за подготовку переводчиков для отечественных миссий и консульств на Востоке¹¹.

После того, как в 1865 г. в Туркестанскую область и Степь была отправлена правительственная комиссия, названная Степной, во главе с сенатором, действительным статским советником Ф. К. Гирсом, на основе ее выводов Александр II в марте 1867 г. учредил Особый комитет под председательством военного министра генерала Д. А. Милютина. В него вошли оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, директор Азиатского департамента тайный советник П. Н. Стремоухов, генерал-майор М. Г. Черняев, председатель Степной комиссии сенатор Ф. К. Гирс, полковник (в дальнейшем генерал) А. К. Гейнс, генерал К. К. Гутковский. Все они были сведущи в обычаях, менталитете и хозяйственном укладе среднеазиатского, в том числе туркменского, населения.

После образования Указом от 11 (23) июля 1867 г. самостоятельного Туркестанского генерал-губернаторства¹² все вопросы, касающиеся Средней Азии, из низовых структур военно-административной иерархии Туркестана направлялись для рассмотрения через Главный штаб к Военному министру, который при необходимости согласовывал решения Военного ведомства с другими министерствами. В конечном итоге эти решения утверждались российским императором.

Многие особенности такой системы управления были перенесены и на земли туркмен после присоединения их к России. При этом отношение здесь к коренному населению было значительно лучше, нежели в русских протекторатах — Хиве и Бухаре, где сохранилась

видимость самостоятельности под властью местных владык. При всех своих недостатках администрация Закаспийской области была ограничена контролем со стороны центральной власти, тогда как бухарские и хивинские ханы продолжали править, сохраняя типичные черты азиатской деспотии. Пристальное внимание не только военного ведомства, но и Министерства иностранных дел к действиям закаспийских властей было обусловлено особым пограничным положением области. Так, об «опеке» со стороны МИДа свидетельствует введение при начальнике Закаспийской области специальной должности чиновника для пограничных сношений¹³.

Структура, направленность, формы и методы деятельности военно-административного аппарата в Закаспии в значительной степени зависели от ряда факторов, раскрываемых ниже.

1. *Географическое положение Закаспийского края*, а именно *отдаленность от Петербурга* значительно снижали возможность центральной власти оперативно управлять административным аппаратом, проследить быстро изменяющуюся политическую ситуацию в этой части Средней Азии. В силу этого инициатива в формировании данной политики совершенно естественно перешла к местным военачальникам. П. Ф. Рерберг (1881—1883), А. В. Комаров (1883—1890), а впоследствии и А. Н. Куропаткин (1890—1898), будучи начальниками Закаспийской области, получили широкие права и полномочия на ведение внутривластных и внешнеполитических дел в регионе, организацию структур власти и т.д.¹⁴

Связь административных единиц Закаспия с внутренними районами России осталась проблематичной даже после окончания строительства Закаспийской железной дороги, длина которой к 1913 г. составила 1 832 км¹⁵. Нужно было со станции Рязань направиться во Владикавказ, потом проехать на почтовых по военно-грузин-

¹¹ Турилова С. Л. Из истории структуры МИД Российской империи (1720—1917 гг.) // Дипломатический вестник. 1993. № 1. С. 45.

¹² ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 42. Ч. 1. № 44831.

¹³ Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 176.

¹⁴ Инструкция Александра II М. Д. Скобелеву от 15 марта 1880 г. // Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. : в 4 т. СПб., 1883—1884. Т. 1. Прил. № 9. С. 63—68.

¹⁵ Россия и Туркмения в XIX в.: к вхождению Туркмении в состав России : сб. архивных документов / ред. Г. И. Карпов, А. Г. Соловьев, Д. Ф. Масловец ; сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Д. Ф. Масловец. Ашхабад, 1946. С. 174—175.

ской дороге в Тифлис, отсюда — по рельсовому пути к западному берегу Каспийского моря — в Баку, проделав, таким образом, путь в течение более пяти суток. В Баку сесть на пароход и добраться до порта Узун-Ада¹⁶ — начального пункта Закаспийской железной дороги.

Поскольку географическое местоположение Закаспийской области объективно затрагивало интересы нескольких региональных центров империи — Оренбургского, Кавказского, а с июля 1899 г. и Туркестанского, военно-политическое руководство этих губерний, активно участвуя в формировании и реализации «закаспийской политики», находилось в атмосфере соперничества и конкуренции. Это нередко приводило к игнорированию общегосударственных задач в угоду местным целям. В Петербург поэтому не всегда поступала достоверная информация о положении дел в Закаспии. При этом на основе сведений региональных властей принимались важнейшие политические решения относительно всех сторон закаспийской жизни. В частности, на первых порах правительство Российской империи считало необходимым поддерживать точку зрения кавказского руководства. Ведь именно оно сыграло главенствующую роль в присоединении Закаспийского края. Это обстоятельство предопределило особенности административного устройства в Закаспийской области, несколько отличавшегося от организации власти в других областях Туркестанского генерал-губернаторства¹⁷.

2. *Повседневные трудности в службе* создавали определенные проблемы с подбором и назначением в край чиновников. Дефицит пресной воды, мириады мух днем, комаров и москитов ночью, страшная жара, раскаленные ветра и другие непривычные для европейского жителя условия отрицательно влияли на здоровье и моральное состояние служащих и членов их семей. Так, в Закаспийской области дети русских чиновников обыкновенно рождались зараженными малярией, а прослужив-

шие здесь несколько лет обретали несколько хронических болезней. В силу этих причин для привлечения военных и статских служащих правительство было вынуждено предоставлять последним существенные льготы. От органов же военного управления природно-климатические условия Закаспийского края потребовали отслеживать социальное и материальное положение чиновников с особым вниманием, побуждать правительство Российской империи к их улучшению¹⁸.

Необычные условия службы предъявляли дополнительные требования и к профессиональным качествам личного состава администрации края. В Закаспии, в его в пустынных местностях с задачами службы могли справиться преимущественно военные кадры. Именно они были лучше подготовлены не только в физическом, но и морально-психологическом отношении, что помогало им преодолевать «тяжесть, однообразие, мертвенную монотонность пустынной жизни»¹⁹. С учетом высокой исполнительской дисциплины военных кадров для них в самые кратчайшие сроки были разработаны инструкции, наставления и другие нормативные документы, от которых зависела организация эффективного управления краем.

Несмотря на усиленное внимание к региону со стороны правительства, Закаспийская область, как и весь Туркестан, испытывала острейший дефицит в квалифицированных чиновниках, в силу чего этот край стал притягательным местом для лиц, стремившихся быстрее подняться по карьерной лестнице, чем это можно было сделать в цивилизованной метрополии. Среди чинов администрации Закаспийской области встречались не только ответственные лица, но и авантюристы; отсюда — произвол, взяточничество, хищения, финансовые манипуляции. Да и сама служба в Средней Азии, будучи малопrestижной в глазах российского общества, воспринималась большинством как место ссылки²⁰.

¹⁶ В результате обмеления бухты Узун-Ада было принято решение о строительстве железнодорожной ветки от станции Мола-Кара до порта Красноводск. Станция Красноводск была открыта в 1899 г.

¹⁷ Россия и Туркмения в XIX в. С. 89.

¹⁸ Корнеев В. В. Деятельность органов военного управления Российской империи по государственному строительству в Центрально-Азиатском регионе : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 76.

¹⁹ Кнорринг Н. Н. Белый генерал. М., 1992. С. 162.

²⁰ Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М., 2008. С. 319.

Особую трудность в быту и на службе создавало незнание офицерами и гражданскими служащими органов военно-народного управления Закаспия туркменского языка. Это не только порождало недоразумения, но и сознательно использовалось низовой администрацией, состоящей из представителей коренного населения, и переводчиками для создания различных коррупционных схем.

Несмотря на то, что знание местного языка не являлось обязательным требованием для замещения административной должности, в 1906 г. генерал-губернатором Туркестана Д. И. Субботичем был поднят вопрос о необходимости овладения языками народов среднеазиатского региона для представителей русской власти. Однако и до Субботича и после такая политика поощрялась большей частью военного руководства. Многие офицеры перед направлением на службу проходили курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, в Лазаревском институте восточных языков, Ташкентской офицерской школе восточных языков при Штабе Туркестанского военного округа²¹. Массовыми тиражами издавались учебники, самоучители, словари, устраивались уроки для чиновников и русского населения, проектировалось даже принятие закона об обязательном знании чиновниками местных языков²². Однако все эти попытки не привели к серьезным переменам, хотя и не были абсолютно напрасными²³. По свидетельству академика В. В. Бартольда, такому полезному для укрепления влияния России в регионе мероприятию противодействовали высокопоставленные чины Военного министерства. Они утверждали, что прямое обращение начальника к инородцам на их языке неминуемо приведет к умалению престижа русской власти²⁴.

3. *Тесное взаимодействие военно-управленческой и экономической деятельности в области служили дополнительным импульсом развития региона.* Тот факт, что обширная по территории и своеобразию в цивилизационном отношении Закаспийская область на-

ходила в ведении Военного министерства, само по себе свидетельствует о значительной социальной роли армии, функции которой не ограничивались решением чисто военно-профессиональных задач.

В последней четверти XIX столетия уровень экономического развития Закаспия сильно отставал от других государств евразийского континента. Промышленность в крае, до присоединения региона к России, отсутствовала. По оценкам П. П. Иванова, даже в самом благополучном в экономическом отношении государстве Средней Азии — Бухарском эмирате — промышленное производство в первой половине XIX в. не достигло того уровня, на котором находилась европейская мануфактура XV—XVI столетий²⁵.

Хозяйственно-экономические преобразования в Закаспийском крае, обусловленные нуждами военного строительства и обустройства воинских соединений (строительство дорог, различных помещений, подсобных хозяйств) повлекли за собой изменения и в местной инфраструктуре. Например, чтобы создать нормальные бытовые условия для гарнизона крепости Кушка — самой южной точки империи на границе с Афганистаном, было признано необходимым проведение ирригационных и мелиоративных работ в кушкинской долине. В 1904—1905 гг., согласно договору строительного подряда, на эти цели Военным министерством было потрачено 100 000 руб., а на прокладку водопровода в крепость — 162 832 руб.²⁶

В результате такой политики территории вокруг российских воинских частей становились центрами цивилизации. Местные жители сбывали здесь свою продукцию, нанимались на работу, получали возможность улучшить свое материальное благосостояние.

В результате происходило и культурное взаимообогащение. Подобные тенденции охватывали и сопредельные с Закаспием области. Так, после постройки на бухарской территории крепости Керки гарнизон стал ежемесячно закупать у населения разнообразную продукцию на сумму в несколько тысяч рублей.

²¹ Котюкова Т. В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 23.

²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 815. Л. 14.

²³ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 175.

²⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 385.

²⁵ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958. С. 124.

²⁶ РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 116. Л. 3.

Предприимчивым уроженцем Кавказа рядом с военным лагерем было построено 12 барачков, названных постоялым двором «Лондон с номерами». По оценке российского политического агента в Бухаре Н. В. Чарыкова, первоначальная сдержанность керкинских жителей-туркмен к русским «сменилась открытыми дружественными отношениями... и последние, благодаря своему справедливому образу действий и добросовестности в денежных делах с туземцами, стали пользоваться среди них большой популярностью»²⁷. Такое взаимодействие можно отнести и к другим торговым центрам туркменских районов Бухары — Чарджуй, Келиф, Кизил-Аяк. Однако типичной чертой городской жизни туркменских районов Бухарского ханства, как, впрочем, и Закаспия, являлось то, что в его городах селилось в основном прошлое население²⁸.

4. Поскольку важнейшей функцией Российского государства являлось обеспечение внешней и внутренней безопасности, задачам, вытекающим из ее реализации, были подчинены все отрасли государственного управления. Иными словами, часть средств, которые возможно было использовать на развитие социально-экономической инфраструктуры Закаспийского края, с целью усиления безопасности империи вынужденно тратились на военные нужды. Так, военно-политические задачи России определили направление строительства Закаспийской железной дороги (от побережья Каспийского моря к Мерв), хотя логичнее было связать центральные районы России и Туркестан, и в первую очередь через Оренбуржье.

В течение 1873—1883 гг. были потрачены значительные суммы на организацию пяти научных экспедиций в бассейн р. Амударьи. Перед ними стояли задачи не только исследования оросительной возможности реки для хозяйственного освоения новых земель, но и оперативной переброски войск с Кавказа и Туркестана к границам Афганистана для укоро-

щения политических амбиций Великобритании²⁹. С этой целью предлагалось повернуть воды Амударьи в Каспийское море. Работы по исследованию такой возможности велись под руководством великого князя Николая Константиновича Романова (1850—1918) по инициативе и при содействии Военного министерства.

5. Решая общегосударственные задачи и проводя переселенческую политику, органы военно-народного управления в Закаспии были вынуждены учитывать интересы и нравы местного населения, не вмешиваться в их бытовые и правовые отношения. Конечно, целенаправленное перемещение в край русскоязычного населения, рассматриваемое правительством как главное средство утверждения российской власти в Закаспии, сопровождалось изъятием земли у местного населения, что приводило к обострению социальных, и прежде всего межнациональных, отношений³⁰. Однако в отличие от арабского или монголо-татарского завоевания, русское господство не сопровождалось изъятием жилищ у местного населения. Напротив, с приходом русских благоустроенными городами стали прежде небольшие, преимущественно глинобитные селения (укрепления) Асхабад, Красноводск, Кизыл-Арват, Каахка и др., в которых относительно мирно уживались представители различных народов и конфессий.

Руководство военной администрации соблюдало принятые на себя обязательства о сохранении религии, традиций и обычаев коренного населения. Религия туркмен Закаспийского края, согласно § 66 «Временного положения...» 1874 г., пользовалась охраной правительства, подобно другим инородческим вероисповеданиям³¹. Любые нововведения принимались только после их тщательного анализа на соответствие ценностным нормам мусульман. Задача «проникнуться духом покоренных народов» рассматривалась важнейшим условием успешной деятельности военной администрации³².

²⁷ РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 132. Л. 38.

²⁸ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 190.

²⁹ См.: Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа // Туркмения. Л., 1929. С. 56.

³⁰ См.: Шарова П. П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 3—36; Шмачков П. А. Крестьянское переселение в Туркестан (1867—1917): дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. С. 45—47.

³¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1876. Т. 49. Отд. 1. 1874 г. № 53233.

³² Россия и Великобритания в Центральной Азии / пер. с англ. А. Рихтер. Ташкент, 1908. С. 88.

Решение перечисленных выше задач потребовало от Военного министерства вложения дополнительных финансовых средств, а от кадров военной администрации — настойчивости, терпения и постоянной бдительности.

Сосредоточив в своих руках всю власть в крае, закаспийская администрация, несмотря на свое настороженное отношение к местным органам управления, стремилась к минимальным изменениям в их деятельности. Необходимость сохранять старые туркменские порядки подчеркивалась рядом военных авторов. Так, инженер-генерал, писатель и публицист А. Н. Маслов (1853—1922) отмечал: «Всякая ломка и перемена порядков и обычаев с введением русских узаконений в этом новом крае совершенно излишни в смысле достижения хороших результатов, потому что этот первобытный народ больше всего ценит в победителе справедливость и дозволение им сохранять свои вековые обычаи»³³.

Однако созданная в Закаспийской области жестко централизованная административная система, почти идеально сочетавшаяся с местными политическими традициями (нерасчлененность или слабая расчлененность различных ветвей власти, ее персонификация, внушительность во внешнем оформлении) вызывала серьезную критику. Так, сенатор К. К. Пален полагал, что в Туркмении, не имевшей своей государственности, можно было гораздо эффективнее, чем в Семиречье и коренном Туркестане, создать чисто русские формы управления и колонизации³⁴. При этом нельзя не отметить попытки закаспийской администрации выработать специфические региональные управленческие предписания, применение которых позволило бы Закаспию адаптироваться и со временем стать частью единого государственного пространства.

Не вызывает сомнения и то, что русская администрация отличалась от бухарской или хивинской доброжелательностью и гуманностью. При ней не стало бессмысленной жестокости, характерной для межплеменных усобиц, повальных грабежей, разорения и посягательств на привычный образ жизни. Конечно, Закаспий был покорен не без военного вмешательства, но русские внесли мир и порядок в край, истерзаный азиатским правлением³⁵. «Изучение документов, — пишет известный американский исследователь Р. А. Прайс, — приводит к выводу, что все лучшее, что было сделано в крае в период колониального правления России, так или иначе связано с деятельностью “царских слуг” и созданных ими институтов»³⁶.

Что касается *системы органов власти Закаспийской*, то она состояла из двух подсистем (европейской и традиционной), взаимоотношения между которыми можно охарактеризовать как «политический симбиоз»³⁷.

Начальник Закаспийской области, назначаемый императором по представлению военного министра, объединял в своих руках военную и гражданскую власть, т.е. был командующим войсками в области, а по отношению к гражданскому населению пользовался правами губернатора. Даже после введения Положения 1890 г.³⁸ начальник области «заведовал туземным населением области во всех отношениях»: устанавливал возраст для замужества туркменских девушек, величину калыма, утверждал судебные решения, вынесенные по адату или шариату; мог вмешаться и в гражданские дела, возбужденные в отношении воинских чинов³⁹. При этом ни в одном из временных положений об управлении Закаспийской областью не было прямых указаний на судебные полномочия начальника области. Отмечая в связи с этим незаконность вмеша-

³³ Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева ; Материалы для биографии и характеристики Скобелева. М., 2015. С. 205.

³⁴ Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908—1909 гг., по Высочайшему повелению, сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом ревизии Туркестанского края. СПб., 1910. Ч. 2. Административный строй. Органы краевого, областного, уездного и сельского управления. С. 8.

³⁵ Глуценко Е. А. Указ. соч. С. 522.

³⁶ Price R. A. Russian Central Asia. 1867—1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley ; Los Angeles, 1960. P. 303.

³⁷ Кадыров Ш. Х. Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 75.

³⁸ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3779. Л. 2—5.

³⁹ Федоров К. М. Закаспийская область. Издание К. М. Федорова. Ашхабад, 1901. С. 200.

тельства администрации края в деятельность «народных судов», сенатор Пален писал, что «с точки зрения действующего закона весьма трудно обосновать самое право начальников области утверждать, отменять и изменять решения народного суда»⁴⁰.

Несмотря на то, что жалобы на решения начальника области могли быть поданы на рассмотрение в Правительствующий сенат, последний фактически отказывался от их рассмотрения, признавая решения начальника области не судебными, а административными. В конечном итоге постановления по таким жалобам производил Главный штаб как высшая инстанция, да и то если дело касалось «пришлого населения» (русских, армян, персов и др.). Для туркмен по уголовным и гражданским делам до 1899 г. существовал военный и народный суд⁴¹.

При начальнике состояло гражданское отделение штаба, фактически ведавшее делами области, а позже — канцелярия, военно-областной совет, областной штаб, типография, артиллерийское, инженерное, интендантское, медицинское управления. Канцелярия начальника области состояла из правителя канцелярии, трех делопроизводителей, трех их помощников, бухгалтера, архивариуса и двух переводчиков⁴². Проект дополнительных штатов военно-народного управления Закаспийской области устанавливал следующие должности: одного старшего и трех младших чиновников особых поручений, двух техников по строительству, дорогам, ирригации и одного по горной части, чиновника Министерства иностранных дел и письменного переводчика.

Несмотря на то, что положение дел в Закаспийской области стало более спокойным, на территории края действовали военно-полевые суды. Основанием для учреждения таких судов стали случаи грабежей и нападений. Генерал Комаров обратился к командующему Кавказским военным округом с предложением создать военный суд ввиду часто повторяющихся в последнее время в Закаспийской области нападений на проезжающих и даже на нижних

чинов. Военный суд в составе председателя и членов суда из числа строевых офицеров Закаспийской области был учрежден в Ашхабаде; право обвинения было возложено на находившегося здесь помощника военного прокурора, который мог «конфирмовать (утверждать. — Авт.) приговор суда»⁴³.

Поскольку ежегодные перекочевки туркмен йомудского племени с северного берега р. Атрек на южный, т.е. с российской территории на персидскую, вызывали постоянные пограничные осложнения, начальник области совместно с чиновником Министерства иностранных дел выполнял и некоторые дипломатические функции по сношениям с персидскими, а также афганскими властями в пограничных областях⁴⁴. Однако в круг деятельности начальника Закаспийской области не входили сношения с Бухарским эмиром и Хивинским ханом⁴⁵.

В целом Временное положение об управлении Закаспийской областью предоставляло ее начальнику более широкие полномочия, чем те, которыми обладали военные губернаторы туркестанских областей. Так, например, в Закаспийском положении 1891 г. существовал раздел, посвященный управлению духовными делами мусульман. В областях Туркестана подобные вопросы русской администрацией не регулировались.

После подчинения Закаспийского края в июле 1899 г. Туркестану начальника области «сменил» военный губернатор. Этим было подчеркнуто двойное подчинение «нового» должностного лица в военном отношении военному министру, а в гражданском — туркестанскому генерал-губернатору как полномочному представителю министра внутренних дел в среднеазиатском регионе.

Управление уездами (округами) и приставствами в Закаспийской области, с входящими в их состав городами и поселениями, сосредоточивалось в лице уездных начальников и приставов, назначаемых также из военных офицерских чинов. Временное положение об управлении Закаспийской областью устанавли-

⁴⁰ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1909. Т. 4. С. 173.

⁴¹ Пален К. К. Указ. соч. С. 200—201.

⁴² Штаты и табели к № 6576. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1893. Т. 10. Отд. 1. 1890 г. С. 91.

⁴³ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4154 (1884—1888 гг.). Л. 98—101.

⁴⁴ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 14465. Л. 1—10.

⁴⁵ Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 2. 4.1. СПб., 1904. С. 424.

ливалось, что «уездный начальник исполняет обязанности, возложенные на уездных исправников в империи»⁴⁶. Им вменялось следить за спокойствием и порядком среди местного населения, наблюдать за точным исполнением низшими властями своих обязанностей, надзирать за правильным поступлением податей, сборов, выполнением повинностей, разбирать «арычные» споры жителей, заботиться о развитии торговли, принимать жалобы населения и следить за их правильным рассмотрением в народных судах и т.д.

Главы уездов назначали старшин для заведования аулами после утверждения их начальником области. Они пользовались правом временно отстранять от должности аульного старшину и подвергать должностных лиц общественного управления дисциплинарным взысканиям и аресту до месяца, а всех коренных жителей за неисполнение закона, распоряджений властей, за ссоры, драки, буйство в публичных местах, за нарушение общественной тишины, непочтение и грубость к лицам, облеченным властью, и т.д. — аресту до 7 дней и денежному взысканию до 20 руб.

В действительности же права уездных начальников были значительно шире. Они вершили суд и расправу по уголовным и гражданским делам, как правило, без вмешательства Сената, Военного министерства и Министерства юстиции. Когда помощник военного прокурора области, по свидетельству редактора асхабадской газеты «Закаспийское обозрение» К. М. Федорова, обратился к начальствующему гражданской частью на Кавказе с просьбой о формальном утверждении права уездных начальников на рассмотрение судебных дел, начальствующий отказался сделать представление, «утвердив словесно тот порядок, который существовал тогда в области в этом отношении»⁴⁷.

Свои обязанности начальник уезда разделял с небольшим штатом чиновников (уездным правлением), который включал: помощника, делопроизводителя, двух переводчиков с письменной и словесной речи, уездного врача, акушерку, старшего медицинского фельдшера⁴⁸.

После того, как из состава некоторых уездов были выделены особые приставства (в Красно-

водском уезде — Кара-Калинское и Чикишлярское, в Тедженском — Атекское и Серахское, в Мервском — Тедженское и Иолатанское, в Ашхабадском — Дурунское), приставы, подобно уездному начальству, также наделили себя правом налагать взыскания на туркмен сверх своих полномочий.

Штат приставского управления по количеству чиновников был наиболее малочисленным и состоял из пристава, его помощника (из туземных ханов), словесного переводчика⁴⁹.

Там, где территория уездов делилась на *волости*, во главе их ставился *волостной управитель*, избираемый населением сроком на 3 года, но фактически назначаемый начальником области из числа знатных и материально обеспеченных коренных жителей. Согласно Положению волостные управители пользовались «полицейской и распорядительной властью в волости»: наблюдали за сохранением спокойствия и порядком в ауле, за порядком кочевания; за исполнением законов и приказаний начальства; за пребыванием в аулах подозрительных личностей; собирали подати (кибиточный налог, земской сбор) и доставляли их в приставские управления; следили за исполнением установленных натуральных повинностей; вели исчисление кибиток в аулах, надзирали за действиями аульных старшин; обеспечивали явку ответчиков, свидетелей в суд, оказывали иное содействие распоряжениям суда; подвергали местное население аресту на срок не свыше 3 дней и штрафу до 3 руб.

Волостным управителям выдавалось жалование за счет сбора на общественные нужды.

Объем власти старшин (особенно в первое время после присоединения территорий расселения туркмен) был достаточно обширен. Если учесть, что порядок деления уездов на волости существовал лишь в Мангышлакском уезде, то в других уездах, где отсутствовал такой порядок, аульные старшины выполняли и функции волостных управителей. Важнейшая роль старшин заключалась в решении вопросов пользования землей и водой среди туркменских племен. Так, в 1884 г. старшина селения Дарган на Атреке «отказал в воде» пяти «дымам анавлиевцев» на том основании, что

⁴⁶ СЗРИ. Т. 2. 4.1. С. 425.

⁴⁷ Федоров К. М. Указ. соч. С. 201.

⁴⁸ Штаты и табели к № 6576. 6 февраля 1890 г. С. 92—93.

⁴⁹ Указ. соч. С. 94.

«управляемые им текинцы не желают более иметь в своей среде чуждых им по племени и роду пришельцев и что он, старшина, не позволяет анавликам пользоваться оросительной водою по приговору Текинского общества селения Даргана». Потребовалось особое распоряжение начальника области, чтобы старшина начал отпускать воду анавликам, жившим в Даргане более трех лет⁵⁰.

Старшины назначались, поддерживались и контролировались царскими властями. При этом жалобы населения на старшин были постоянным явлением. Например, каахкинский судья-казий Сеид-Мухаммед-ших жаловался на то, что старшина в Каахке Шах-Назар-юзбаши вмешивается в шариатские дела не по правилам, и настаивал, чтобы они решались по его желанию⁵¹. Аульные старшины за службу вознаграждения не получали.

В некоторых приставствах существовали также должности *эминов*, занимающихся сбором податей. При старшинах имелись аульные джигиты (2 или 3 есаула) для передачи приказаний, сбора рабочих, розыска подозреваемых и т.д., а также приставские джигиты для караулов. Кроме того, для писарских дел было по одному мулле⁵².

В 1890 г. был установлен выборный порядок замещения должностных лиц аульной администрации⁵³, производимый на сходах, результаты которых вступали в законную силу лишь после утверждения их начальником области. На сходах решались не только вопросы избрания должностных лиц местной администрации, но и проблемы, касающиеся хозяйственных нужд (пользования землей и поливной водой), приема в состав аула и исключения из него кибитковладельцев, назначения опекунов, раскладки кибиточной подати, земского сбора и отправления натуральных повинностей. Решая вопросы распределения налогов, податей и повинностей между членами общин, аул следовал принципу родовой, коллективной ответственности. Поэтому на практике налоги

и повинности за выбывших, перекочевавших за пределы аула, уезда, области, пропавших без вести, а также за бедных, несостоятельных членов общества несли их ближайшие родственники⁵⁴.

Решения сходов, составляемые после 1881 г. письменно, принимались под непосредственным руководством старшины аула, волостного, пристава или уездного начальника. Они основывались на обычном праве туркмен и соответствовали распоряжениям и приказаниям царских властей. Приговоры сходов исполнялись лишь после утверждения соответствующим начальством.

В некоторых городах Закаспийской области (Ашхабаде, Красноводске и Мерве) находились и *хивинские аксакалы*, назначавшиеся с санкции туркестанского генерал-губернатора. Они действовали «на основании законов Российской империи» и должны были вести списки подданных хивинского хана, постоянно или временно проживавших в подведомственных им селениях, выдавать им паспорта, сообщать царским властям о преступлениях хивинских подданных, но не имели права взыскивать с них торговых сборов⁵⁵.

Особое значение в системе местной администрации имели *мирабы*, ведавшие распределением воды в районах поливного земледелия, нарядом людей для осуществления натуральных повинностей по ирригации и дренажу. По материалам начала XX в., в каждом старшинстве колена ближайших родов и родственников располагались по отдельным канавам. Среди них были старшинства с двумя канавами, но в большинстве — от 3 до 4 канав. Каждая канава (арык) в Иолатанском приставстве имела своего мираба. В Атекском приставстве каждое старшинство выставляло обычно одного, реже — двух мирабов⁵⁶. Ввиду важности этой должности в жизни туркмен мирабами всегда избирали наиболее честных и принципиальных из односельчан. Однако в случае злоупотреблений с их стороны аульное обще-

⁵⁰ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4891. Л. 1—2.

⁵¹ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3015. Л. 1—2.

⁵² Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию Начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта Д. И. Субботича. Ашхабад, 1903. С. 42—50.

⁵³ Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П. Ф. Повелицыной. Ашхабад, 1986. С. 33.

⁵⁴ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10534. Л. 17—18.

⁵⁵ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 527. Л. 13.

⁵⁶ Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области... С. 42—50.

ство, зорко следящее за водораспределительной деятельностью, смещало мирабов с должности, не спрашивая разрешения у начальства. За службу мирабы получали нефиксированное вознаграждение: в одних аулах деньгами, в других — зерном, в третьих — водой.

Кроме мирабов существовали и другие должности, связанные с водопользованием, столь важным для Средней Азии. К их числу принадлежали помощники мирабов — пенджувары, сахляны — караульщики на плотинах, местные техники и пр.

Таким образом, минимально изменив традиционные институты власти, закаспийская администрация поставила их на службу империи. В результате в самый кратчайший срок была достигнута общая стабильность в крае, хотя и ценою некоторых изменений в жизни и быте коренного населения. Вместе с тем нельзя отрицать и тот факт, что правительство империи, закаспийская и местная администрации вели постоянный поиск наиболее приемлемых путей утверждения русской власти среди туркменских племен, удержания новых подданных в составе империи, освоения края.

Сама же форма управления в Закаспии, основанная на оптимальном сочетании традиционных механизмов самоорганизации туркмен и государственного регулирования и продиктованная необходимостью приспособления туркмен к задачам государственного строительства, оказалась наиболее эффективной. С одной стороны, она способствовала консолидации племен, давала возможность улаживать конфликты, обеспечивала стабильность в области; с другой стороны, опора закаспийской администрации на местную власть и органы самоуправления, предоставление им части государственных функций позволили обеспечить значительную экономию финансовых и кадровых ресурсов империи.

В целом и административная практика, и местные положения в Закаспийской области показали неторопливость введения в данном регионе российских государственных учреждений. Они продемонстрировали попытки нахождения наиболее эффективных способов совместного существования, обеспечивающих приемлемый для подавляющего большинства населения образ и уровень жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Л. : АН СССР, 1927. — 256 с.
2. Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа // Туркмения. — Л., 1929. — С. 23—28.
3. Волков И. В. Военно-стратегическое управление в царской России: региональный аспект (1865—1917 гг.) // Власть. — 2014. — № 4. — С. 160—167.
4. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Серия «Россия забытая и неизвестная». — М. : Центрполиграф, 2010. — 378 с.
5. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., 1958. — 320 с.
6. История Туркменской ССР. — Ашхабад : Академия наук Туркменской ССР, 1957. — Т. 1. — Кн. 2 : С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. — 489 с.
7. Кадыров Ш. Х. Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — 370 с.
8. Корнеев В. В. Деятельность органов военного управления Российской империи по государственному строительству в Центрально-Азиатском регионе : дис. ... канд. ист. наук. — М., 2000. — 340 с.
9. Котюкова Т. В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. — М., 2016. — 392 с.
10. Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева ; Материалы для биографии и характеристики Скобелева. — М., 2015. — 234 с.
11. Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию Начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта Д. И. Субботича. — Асхабад, 1903. — 129 с.
12. Мирзеханов В. С., Ковалев М. В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель. XXI век. — 2016. — № 4. — С. 415—419.
13. Россия и Великобритания в Центральной Азии / пер. с англ. А. Рихтер. — Ташкент : Изд-во штаба Туркестанского военного округа, 1908. — С. 415—420.
14. Россия и Туркмения в XIX в. : К вхождению Туркмении в состав России : сб. архивных документов / ред. Г. И. Карпов, А. Г. Соловьев, Д. Ф. Масловец ; сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Д. Ф. Масловец. — Ашхабад : Туркменгосиздат, 1946. — 590 с.

15. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. — М. : Издательство восточной литературы, 1960. — 240 с.
16. Турилова С. Л. Из истории структуры МИД Российской империи (1720—1917 гг.) // Дипломатический вестник. — 1993. — № 1. — С. 42—46.
17. Федоров К. М. Закаспийская область : Издание К. М. Федорова. — Ашхабад : Паровая типография К. М. Федорова, 1901. — 312 с.
18. Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П. Ф. Повелицыной. — Ашхабад : Ылым, 1986. — 236 с.
19. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 464 с.
20. Шарова П. П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. — 1940. — № 8. — С. 43—47.

Материал поступил в редакцию 15 июля 2017 г.

LEGAL MANAGEMENT FEATURES IN THE TRANS-CASPIAN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE

AMINOV Iliya Isakovich, PhD in Law, PhD in Psychology, Assistant Professor, Associate Professor, of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aminovii@mail.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Abstract. *This article analyzes the activities of the Government of the Russian Empire on the military formation of European and traditional governance systems on the territory of the Trans-Caspian area established on 6 (18) May, 1881.*

The system of governance of the Turkmen society, referred to as military public, consisted of two subsystems (European and traditional), which can be characterized as a political symbiosis. The Chief of Trans-Caspian region, appointed by the Tsar as advised by the Minister for War, was a commander in the area, and for the civilian population, had the rights of a Governor with nearly unlimited power. Subordinate to the Chef was the Civil Division of the headquarters, which was in fact in charge of the affairs of the region, and later the Office with the Head of the Office, the three chiefs and six clerks, an accountant, executor, archivist and two translators. The management of the districts (counties) and 'pristavstvos' with their member cities and settlements, was focused in the hands of the County supervisors and bailiffs appointed from military officers.

In the immediate surroundings of the Russian administration were (traditional subsystem): the aul seniors (heads of the family), the bii and kazii (members of the people's court), jeminy (tax collectors), miraby (person in charge of irrigation system and procedures for water usage). The post of khans were approved by the Imperial administration and were for a long time preserved in Merv, Iolotane, Pende, Sarakhs. Khans held the intermediate administrative position between the district chief and aul senior and were equal to a volost major (governor). In other words, along with aul communities there remained division of Turkmen society on tribal groups, the leaders of which were khans.

The measures of the Imperial Government to establish a military-European and traditional management systems in Trans-Caspian area, despite the social, economic and natural-geographical and other difficulties, had great importance in establishing administrative order, specification of rights and duties of the local population, its faster adaptation to the challenges of nation-building. All this contributed to the elimination of old tribal, clan rivalries and partitions, considerably reduced power with impunity and arbitrariness of tribal khans and other representatives of the national elite, saving financial and personnel the resources of the Empire.

Keywords: *the War Ministry, Asian area, military people governance, trans-Caspian administration, Head of the Trans-Caspian region, the county heads, bailiffs, local administration, volost majors, aul seniors, bii, kazii, jeminy, miraby.*

REFERENCES

1. Bartold, V. V. The History of the Cultural Life of Turkestan. V. Bartold; USSR Academy of Science. The Commission on the Study of Natural Production Forces of the USSR. L.: Publishing House The USSR Academy of Sciences, 1927. Leningrad, 1927. — 256 p.
2. Bartold, V. V. The Essay on the History of the Turkmen People // Turkmenistan. L., 1929. — P. 23-28.

3. *Volkov, I. V.* Military Strategic Management in Tsarist Russia: The Regional Dimension (1865-1917) // Power. 2014. No. 4. — P. 160—167.
4. *Glushchenko, E. A.* Russia in Central Asia. Conquest and Conversion. Series: "Russia Lost and Unknown. M.: Tsentrpoligraf, 2010. — 378 p..
5. *Ivanov, P. P.* Sketches on the History of Central Asia (16th to mid 19th Centuries). M., 1958. — 320 p.
6. The History of the Turkmen Soviet Socialist Republic. Vol. 1. Book 2. From the Beginning of the 19th Century to the Great October Socialist Revolution. Ashkhabad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Turkmen Soviet Socialist Republic, 1957. — 489 p.
7. *Kadyrov, W. Kh.* Formation and Evolution of Ethnopolitical Turkmens Organization: Doctoral Theses (History). M., 2004. — 370 p.
8. *Korneev, V. V.* The Activities of the Bodies of Military Administration of the Russian Empire on Nation-Building in Central Asia: Doctoral Theses (History). M., 2000. 340 p.
9. *Kotyukova, T. V.* Outskirts of a Special Status. Turkestan in Anticipation of Drama. M., 2016. — 392 p.
10. *Maslov, A. N.* The Conquest of Ahal-Teke. Essays from the Skobelev Last Expedition + Materials for the Biography and Characteristic of Skobelev. M., 2015. — 234 p.
11. Materials on the Ground-Water Use in the Trans-Caspian Region, Collected and Published on the Orders of the Chief of the Trans-Caspian Region, Lieutenant-General D.I. Subbotich. Ashkhabad, 1903. — 129 p.
12. *Mirzehanov, V. S., Kovalyov, M. V.* Europeans and Russians in the Colonies and the Imperial Borderlands: to the Question of Communicative Practices // Teacher. XXI Century. 2016. No. 4. — P. 415—419.
13. Russia and the United Kingdom in Central Asia / Translated from English. A. Rikhter. Tashkent: Publishing House of the Turkestan Military Region, 1908. — P. 415—420.
14. Russia and Turkmenistan in the 19th Century: to Accession of Turkmenistan to Russia: a Collection of Archival Documents / G.I. Karpov, A.G. Solovyov, D.F. Maslovets (Eds.); Compilers: A.G. Solovyov, A. A. Sennikov, D.F. Maslovets. Ashkhabad: Turkmengosizdat, 1946. — 590 p.
15. *Tikhomirov, M. N.* Accession of Merv to Russia. M.: Publishing House of Oriental Literature, 1960. — 240 p.
16. *Turilova, S. L.* From the History of the Structure of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire (1720—1917) // Diplomatic Bulletin. 1993. No. 1. — P. 42—46.
17. *Fedorov, K. M.* Trans-Caspian Region. Edition by K. M. Fedorov. Ashkhabad: Steam Printing House K.M. Fedorov, 1901. — 312 p.
18. *Khaitliev A.* Criminal Customary Law of the Turkmen / P.F. Povelitsyna (Ed.). Ashkhabad: "Ylym", 1986. — 236 p.
19. Central Asia within the Russian Empire / S.N. Abashin, D.J. Arapov, N.E. Bekmakhanov (Eds.). M.: The New Literary Review, 2008. — 464 p.
20. *Sharova, P.* Immigration Policy of the Tsarist Regime in Central Asia // Historical Notes. 1940. No. 8. — P. 43—47.